

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
(В СРАВНЕНИИ С АЛИШЕРОМ НАВОИ)

Ф.Б. Валиходжаева

Преподаватель Самаркандского государственного института иностранных языков.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18341154>

Аннотация. В данной статье исследуются философские и этические концепции восточной литературы, отраженные в художественной системе Александра Пушкина, с сравнительным анализом классической восточной поэтики Алишера Навои. В исследовании используется типологическая и сравнительная методология для анализа общих этических категорий, таких как судьба, справедливость, милосердие, любовь, духовная свобода и моральная ответственность. Опираясь на недавние исследования в области литературного ориентализма и межкультурной поэтики, статья утверждает, что обращение Пушкина к восточным философским идеям выходит за рамки экзотических образов и функционирует как концептуальная основа для этического осмыслиения.

Поэтическая система Навои используется в качестве типологической модели восточной этической мысли, что позволяет глубже понять, как Пушкин интегрирует универсальные моральные ценности в русскую романтическую литературу. Результаты показывают, что оба поэта, несмотря на различия в культурном и историческом контексте, выражают гуманистическое мировоззрение, основанное на этическом самосовершенствовании, моральном выборе и духовном достоинстве.

Ключевые слова: Александр Пушкин, Алишер Навои, восточная философия, этика, сравнительное литературоведение, восточные мотивы, гуманизм.

Взаимодействие восточных и западных литературных традиций давно является предметом научных исследований, особенно в контексте русской литературы XIX века.

Русская культура исторически развивалась на перекрестке Европы и Азии, что сделало «Восток» важной философской, эстетической и этической точкой отсчета. В произведениях Александра Пушкина восточные темы предстают не только как элементы романтического экзотизма, но и как носители морального и философского смысла.

Недавние исследования подчеркивают, что обращение Пушкина к восточной культуре включает в себя этические размышления, религиозную символику и философский универсализм, а не просто декоративный ориентализм [Шагиева, 2025 – с. 361]. В частности, интерес Пушкина к исламской культуре, кораническим мотивам и восточным концепциям судьбы и справедливости раскрывает более глубокую диалогическую связь с восточной мыслью [Рахманова, 2021 – с. 72].

В противоположность этому, поэзия Алишера Навои представляет собой внутреннюю философскую и этическую систему классической восточной литературы.

Произведения Навои основаны на исламской этике, суфийской философии и гуманистических идеалах, подчеркивающих нравственное совершенство, сострадание и духовную свободу.

Современные исследования продолжают подчеркивать значение Навои как мыслителя, чья поэзия выражает универсальные этические ценности посредством символического и аллегорического языка [Кахарова, 2024 – с. 98].

Анализ основан на избранных произведениях Пушкина, затрагивающих восточную философию и этику, в том числе:

- «Подражания Корану»
- «Узник Кавказа»
- «Бахчисарайский фонтан»
- Избранные лирические стихотворения, отражающие темы судьбы, свободы и морального выбора

Для Навои в исследовании использованы:

- Газели, выражающие этические и философские размышления
- Дидактические и философские отрывки, связанные с хамсийской традицией
- Стихотворения, посвященные любви, справедливости и духовной самодисциплине

Этическое понятие судьбы и моральной ответственности. Одна из центральных философских идей, разделяемых Пушкиным и Навои, — это понятие судьбы (кадар), понимаемое не как слепой детерминизм, а как моральная основа, проверяющая человеческую ответственность. В «Подражаниях Корану» Пушкина судьба часто ассоциируется с божественной справедливостью и этической ответственностью, перекликаясь с коранической моральной логикой [Рахманова, 2021 — с. 73].

Аналогично, Навои рассматривает судьбу как моральное испытание, а не как оправдание пассивности. Его поэзия неоднократно подчеркивает, что достоинство человека раскрывается через этический выбор в божественно предопределенных обстоятельствах.

Типологическая параллель заключается в этической интерпретации судьбы как пространства для морального действия, а не фаталистического подчинения.

Справедливость, милосердие и этическая власть. В восточных повествованиях Пушкина власть часто проверяется через этические категории, такие как справедливость и милосердие. Персонажи, обладающие властью, оцениваются не по силе, а по моральной сдержанности. Недавние исследования отмечают, что Пушкин использует восточные декорации, чтобы выдвинуть на первый план этическую оценку, особенно в отношении насилия и сострадания [Шагиева, 2025 – с. 364].

Этическая система Навои также ставит во главу угла справедливость, смягченную милосердием. В его поэтическом мировоззрении истинная власть неотделима от моральной ответственности и сострадания. Это сближение демонстрирует общую восточную этическую парадигму, в которой справедливость не карательная, а восстановительная.

Любовь занимает центральное место как в этической философии Пушкина, так и в философии Навои. У Пушкина любовь в восточном контексте часто становится моральным испытанием, которое выявляет внутреннюю свободу или моральную слабость. Страдание, связанное с любовью, изображается как этически значимое, а не просто эмоциональное [Пяврай, 2023 – с. 368]. Любовная поэзия Навои, глубоко вдохновленная суфийской философией, интерпретирует любовь как путь к самопознанию и нравственному очищению.

Хотя Пушкин не принимает суфийскую метафизику напрямую, типологическое сходство заключается в этическом возвышении любви от личного чувства до философской категории.

Сравнительный анализ показывает, что восточные тексты Пушкина участвуют в более широком этическом дискурсе, характерном для восточной литературы. Вместо заимствования конкретных символов у Навои, Пушкин использует общий этический язык, включающий судьбу, справедливость, любовь и духовное достоинство.

Современная литературоведческая наука все чаще отвергает упрощенные интерпретации русского ориентализма как чисто экзотического или имперского [Асанова и др., 2024 – с. 5]. Вместо этого восточные мотивы Пушкина понимаются как инструменты этического размышления и культурного диалога. Поэтическая система Навои обеспечивает стабильную этическую модель, которая помогает прояснить философскую глубину взаимодействия Пушкина с восточной мыслью.

В то же время сохраняются важные различия. Этика Навои уходит корнями в исламскую и суфийскую метафизику, в то время как Пушкин переосмысливает восточные этические концепции через призму европейского гуманизма и романтического индивидуализма. Это различие подчеркивает скорее творческую трансформацию, чем подражание восточной философии в творчестве Пушкина.

Исследование приходит к выводу, что философские и этические концепции восточной литературы играют значительную роль в формировании художественной системы Александра Пушкина. Типологическое сравнение с Алишером Навои показывает, что обращение Пушкина к восточной этике выходит за рамки эстетического экзотизма и способствует гуманистическому мировоззрению, основанному на моральной ответственности, справедливости, любви и внутренней свободе.

Поэтическая философия Навои служит ценной сравнительной основой, подчеркивающей этическую глубину и универсальность восточных текстов Пушкина. Этот межкультурный диалог демонстрирует, как литературные традиции из разных исторических и культурных контекстов могут сходиться вокруг общих этических идеалов, обогащая мировую литературу в целом.

Список литературы

1. Asanova, D., et al. (2024). Philosophical understanding of Russian-language poetry of Central Asia and the East. *Salud, Ciencia y Tecnología – Serie de Conferencias*, 3, Article 1087.
2. Kaxarova, M. B. (2024). Alisher Navoi's influence on world literature through translation. *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education*, 2(12), 97–99.
3. Piavrai, S. (2023). Lexico-stylistic flavor of the East in the linguistic images of A. S. Pushkin. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2), 367–376.
4. Rakhmanova, A. (2021). Moral truths of the Quran in the works of A. S. Pushkin. *Society and Innovations*, 2(3), 69–74.
5. Shagieva, N. F. (2025). Eastern motifs in the works of A. S. Pushkin. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal*, 6(3), 360–369.